

Дмитрий Мамин-Сибиряк

На пути

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

На пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=328712

Аннотация

«Мне пришлось заночевать почти на самом горном перевале, на правом берегу бойкой горной речонки. Ночлег был выбран проводником с расчетом именно, чтобы иметь защиту от холодного северного ветра. Охотник Артемий провел меня лишнюю версту, пока мы добрались до заветного уголка...»

Содержание

I	4
II	10

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк На пути (Из рассказов старого охотника)

I

Мне пришлось заночевать почти на самом горном перевале, на правом берегу бойкой горной речонки. Ночлег был выбран проводником с расчетом именно, чтобы иметь защиту от холодного северного ветра. Охотник Артемий провел меня лишнюю версту, пока мы добрались до заветного уголка.

– Уютное место, – повторял он, утешая меня, так как я сильно устал и едва передвигал ноги. – Там, значит, промысловая избушка стояла. По осени или зимой охотники ночевали... Ну, теперь-то избушки нет, а место все-таки осталось.

Подъем по горному ущелью труден вообще, а уставшему человеку кажется бесконечным. Неизвестно кем протоптанная тропинка постоянно теряется в камнях. Ноги ступают

неверно, дышать трудно, в висках стучит кровь. А тут еще почти над самой головой несутся низкие осенние облака; кругом серо, и быстро надвигается длинная осенняя ночь. Безымянная горная речка пробила себе дорогу по каменистому дну ущелья и несется вниз с глухим ропотом, точно сердится на те камни, которые загораживают ей путь. Растительности на этой высоте уже совсем мало. По скалам лепится только гарная ель, искривленная, низкая, точно сгорбившийся человек, который с трудом карабкается на эти каменистые кручи. Самые камни покрыты разноцветными лишайниками; между камнями кой-где желтеет мох, и только изредка попадаются небольшие полянки, покрытые травой. Настоящий лес остался далеко внизу – и густая трава, и цветы. Между камнями топорщатся только мохнатые каменки да изредка покажется фиолетовый колокольчик; трава же сухая и жесткая, как в некоторых болотах.

– Ну, вот мы и дома! – проговорил Артемий, когда мы вышли на небольшую поляну.

Ночевать в горах под открытым небом не особенно приятно, но делать нечего, приходилось мириться. Хорошо и то, что хоть не будет донимать холодный горный ветер. Я присел на большой камень и смотрел, как Артемий разводил огонь. Что может быть лучше огня, когда он горит в таком ущелье? Это сама жизнь! Сидя у себя дома, не оценишь в достаточной мере всех благодетелей, которые дает человеку огонь. Недаром сложилась греческая легенда, что огонь был похи-

щен с неба. В данном случае костер не только согревал нас, но и освещал. Я любовался всполохами красного пламени, расходившимися полосами света, то исчезающими, то появлявшимися очертаниями ближайших скал, камней и деревьев. Картина принимала фантастический характер, точно в какой-нибудь сказке.

– Вот мы и самовар на палочке поставим, – говорил Артемий, устраивая походный медный чайник над огнем. – Хорошо теперь чайку горяченького напиться... нет этого лучше: усталость как рукой снимет.

Я до того устал, что не мог даже отвечать Артемию. Кажется, взял бы лег, протянул натруженные ноги да так больше и не вставал бы. Даже горячий чай не соблазнял... Артемий был привычный человек и по целым неделям мог ходить по горам. Устроивши над огнем чайник, он сейчас же принялся устраивать походную постель: срубил две елки, очистил хвою и разложил мягкие зеленые ветки по земле. Потом куда-то скрылся и вернулся с целой охапкой травы.

– Откуда это ты набрал травы? – удивился я. – Здесь такой травы не растет...

– А вот растет, барин. Избушка-то стояла; ну, от нее и пошла всякая трава... Это уж завсегда так бывает: где жилье, там и сорная трава растет. В горах-то сама она не растет, а за человеком придет... Сейчас видно, где стоянка была... Тоже и трава разная бывает, как все равно и люди... Одна трава сама идет и в гору, и под гору, а другая за человеком ползет.

Он выдернул из охапки несколько розовых цветов и показал мне.

– Вот этой травы здесь не было в третьем году, а теперь пришла, – объяснял он. – По ту сторону Урала ее много растет по степи, – татарским мылом называется. Ну, там-то она у себя дома и другой вид имеет: высокая, цветы больше, а здесь она какая-то захирелая. Трудно ей...

– Почему трудно?

– А как же? Вот ты устал в гору подниматься, и травка тоже устает... Она ведь тоже идет; ну, а тут ее и холодным ветром обдувает, и морозит, и водой горной смывает. По ту сторону перевала этой травы совсем нет. Немножко уж ей осталось идти... Лет через десять переберется, а там, как спустится с горы, опять укрепится.

– И много таких трав, которые идут через перевал?

– Есть достаточно... Только вот я не умею сказать, как они называются. Бродишь по горам, ну, и примечаешь: тут одна трава, там другая, третья... Степная трава сама по себе, горная трава сама по себе. У каждой свой предел... По ту сторону Урала ковыли, полынь, а здесь их нет.

– Как же трава через горы идет?

– Мудреное это дело, барин... Может быть, другая травка не одну сотню лет переваливает через горы. Где ветром семечко перенесет, где птичка поможет, где скотина, али человек... В гору-то ей, ох, как трудно подниматься! Ну, а под гору – живой рукой, потому вода сносит семечко. Точно че-

ловек, эта самая травка: под гору-то куда легче спускаться.

Охота поневоле способствовала развитию наблюдательности Артемия, хотя он и не мог назвать многих растений или называл их местными именами, как «татарское мыло». Меня этот разговор очень заинтересовал, и я внимательно рассматривал траву, принесенную Артемием.

Артемий приготовил чай, и мы долго сидели около огня. Кругом было уже темно. Горные ночи холодны. Время от времени Артемий подбрасывал в костер хворост и сухие сучья, и пламя вырывалось красными языками. Я улегся на приготовленную постель, прикрылся сверху охотничьим пальто и мечтал с открытыми глазами.

– Как речонка сегодня шумит, Артемий!..

– А это она от осенних дождей разыгралась, барин. Летом то пересыхает совсем, а теперь вот бурлит, точно настоящая река. Много таких речушек сбегает с перевала... Дальше-то вместе соберутся в озеро, а из озера уж настоящая река выбегаёт. Много таких горных озер и глубокие...

Где-то прокуковала кукушка. Артемий вслух считал кукованье и остановился на двенадцати.

– Еще осталось мне двенадцать годов жить, – заметил он. – Бабушка примета...

– Ты веришь этой примете?

– Верить не верю, а бабы болтают... Ну, барин, пора и на боковую. И ты, пооди, притомился за день-то. Утро вечера мудренее... Вот я тут на всю ночь топлива натаскал. Около

огонька-то как-нибудь перебьемся, только бы дождь грешным делом не пошел.

Расположившись около огня, Артемий сейчас же заснул. Слышно было, как он ровно дышал. Я же лежал с открытыми глазами и мог только завидовать ему, потому что от сильного утомления, как говорится, сон был переломлен: хотелось спать, и что-то мешало. В голове целыми вереницами тянулись самые разнообразные мысли. Я смотрел на горевший огонь и прислушивался к шуму бурлившей в двух шагах речонки. Куда она бежит, эта горная светлая вода? С перевала она спустится в озеро, из озера выльется большой рекой, а там дальше попадет в Тобол, в Обь, в Северный Ледовитый океан. На этом пути вода много поработает: будет сносить песок и камни, будет подмывать берега, будет вертеть мельничные колеса, понесет на себе лодки и барки, будет поить людей и животных и кончит тем, что там, на севере, превратится в ледяные горы. Работа воды вообще громадная. В течение тысяч лет она превращает целые скалы в песок и глину, делает громадные наносы и вообще изменяет видимую поверхность земли.

II

Мне вообще что-то не спалось. Да и холодная эта осенняя ночь в горах. Около огня грелся один бок, а другой мерз. Нужно большую привычку, чтобы спать в такую ночь под открытым небом, и я долго поворачивался с боку на бок...

А безымянная речка все говорила и говорила... Я вслушиваюсь в ее шепот, и вот мне кажется, что я начинаю разбирать отдельные слова.

– Скорее, скорее... – казалось, шептала вода, журча по камням. – Ах, как далеко мне бежать! Нужно торопиться... Скоро наступит зима, и можно замерзнуть где-нибудь на дороге. Скорее, скорее... Я уже не в первый раз делаю этот путь. Добегу до моря, потом поднимусь кверху туманом, соберусь в тучи и вернусь опять сюда дождем или снегом. Ведь я везде нужна: без меня все бы умерло. Ах, скорее, скорее!..

– А я здесь полежу, пока ты путешествуешь, – лениво ответил большой камень, обросший лишайником. – Мне и здесь хорошо...

– Ах ты, лежебок, лежебок!.. Вот погоди, как-нибудь весной я тебя скачу под гору! – бормотала вода. – Я уже много таких камней стащила вниз... Смешно даже смотреть, как тяжелые увальни кубарем летят под гору. Пока до свидания!.. Скорее, скорее!..

– Мне эта вода много неприятностей наделала, – прогово-

рило усталым голосом татарское мыло.

– И мне тоже... – тоненькими голосами ответили какие-то зеленые травки.

– Я давно иду оттуда, из степи... – рассказывало татарское мыло. – Там у меня был хороший друг – ветер. Он разносил мое семя во все стороны. Да... А как я добрался до гор, и пошли неприятности. Вот уже больше пятидесяти лет взбираюсь на перевал и не могу дойти. По несколько лет иногда торчу на одном месте, а то и назад приходится спускаться. А все вода: то корни у меня подмоет, то все семя унесет под гору... Вообще очень трудно, господа!

– Трудно, трудно, – ответила зеленая травка. – У тебя и вид такой усталый. Впрочем, когда переберешься туда, через горы, там отдохнешь.

– Когда-то еще переберусь, братцы!.. – ворчало татарское мыло. – А вы куда?

– Мы тоже на ту сторону перебираемся помаленьку... Ах, как трудно!.. Только бы перебраться... Там, говорят, очень хорошо.

– Где это хорошо? – спросил худенький желтый цветочек, спрятавшийся меж камнями.

– А по ту сторону гор...

– Ну, я оттуда иду и могу сказать, что не особенно-то... Я едва перелез через горы.

– А далеко еще до вершины?

– Порядочно... Я не один шел, да другие отстали на пол-

дороге.

Тут все заговорили разом, так что я не мог разобрать, в чем дело. Больше всех волновалось татарское мыло.

– Не верьте ему! – повторяло оно с особенным азартом. – Я знаю, там хорошо... Иначе не стоило идти так далеко.

– Вот увидим... Да, увидим! – шептала скромная зеленая травка. – Недаром говорится, что там хорошо, где нас нет. Уж пошли, так нужно идти... Мы не какая-нибудь сорная трава, которой все равно, где ни расти. У нас своя дорога... да! А там увидим, что будет...

– А как у вас там, в степи? – спрашивал в свою очередь желтый цветочек.

– Ничего... Как кому, – кто что ищет...

– Мне бы где-нибудь около болота поселиться, – мечтал вслух желтый цветочек. – Я люблю сырые места...

– Ну, в степи тебе, пожалуй, трудно придется, потому что там мало воды. Там больше солонцы, а на них растут только ковыль да полынь... Впрочем, эти желтые цветы везде проберутся. Довольно нахальный народ...

Последнее замечание вызвало горячий спор, так, что я даже проснулся. Да, все это был сон, но сон очень правдивый. Уже светало. Вершина горы была закутана густой мглой. Огонь погас, и я чувствовал, что продрог до костей.

– Артемий, вставай!..

Опять весело загорелся огонь. Артемий вскипятил воду в чайнике. Мы на скорую руку выпили по стакану чаю

и отправились на перевал – оставалась всего какая-нибудь верста. Правда, приходилось карабкаться порядочно, обходить большие камни и вообще преодолевать большие препятствия.

– Ну и дорожка!.. – ворчал Артемий, зевая спросонья.

Наконец мы поднялись на самый перевал. Небо несколько прояснилось, и можно было видеть далеко по ту и по эту сторону Урала. Мы стояли на самой границе, отделявшей Европу от Азии. Урал являлся громадным каменным порогом, через который с таким трудом азиатские растения переходили в Европу, а европейские в Азию.